

ПРАВОСЛАВНОЕ МИССИОНЕРСТВО В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2019

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела
Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы распространения христианского вероучения в контексте особенностей включения в состав России и культурного освоения территории Сибири. Объектом исследования выступает православное миссионерство, предметом является специфика миссионерской деятельности православных адептов в условиях межконфессиональных связей и противоречий. Автор ставит цель определить роль православного миссионерства в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири во второй трети XIX – начале XX в. В статье акцентируется внимание на традиционных и новационных тактических приемах совершенствования проповеднической деятельности, которые трансформировались под влиянием изменений в государственном курсе в отношении национальных окраин, активизации конфессиональных конкурентов. В статье на примере изменений в религиозной ситуации начала XX в. характеризуется реакция служителей Алтайской духовной миссии на публичное проявление бурханистского движения, являвшегося региональной синкретической вариацией северного буддизма. Автор приходит к выводу, что православное миссионерство в результате своей целенаправленной деятельности актуализировало идеи монотеизма и мессианизма в традиционном религиозном сознании коренного населения, но они были более успешно интерпретированы буддийскими адептами в вероучении бурханизма. Это обстоятельство способствовало переходу миссионерской работы от преимущественно гибких приемов христианизации и к более жестким и интенсивным способам распространения вероучения.

Ключевые слова: межконфессиональное взаимодействие; православие; миссионерство; аккультурация; христианизация; мессианизм; прозелитизм; стереотип; религиозный синкретизм; анимизм; шаманизм; бурханизм; буддизм; ислам; национальная окраина; сибирские инородцы; Алтайская духовная миссия; юг Западной Сибири.

Постановка проблемы

Изучение влияния православия на этнокультурные процессы в многонациональных регионах России на сегодняшний день сохраняет актуальность в рамках исторической науки и смежных областей знания. В предыдущие периоды изучения данной проблематики основной характеристикой историографии была зависимость исторических исследований от политико-идеологической конъюнктуры, диктовавшей формирование двух диаметрально противоположных установок. Первая из них, апологетическая, была характерна для многих работ общего характера как церковного, так и светского происхождения в дореволюционный период. Содержательно она базировалась на преимущественно положительной оценке роли православных церковных институтов и духовенства в интеграции национальных окраин в общеимперское пространство. Акцентировалось внимание на просветительской, благотворительной и прочих видах деятельности, тогда как многие вопросы, ставшие причиной конфликтов (как «тлеющих», так и вылившихся в открытое противостояние), и неоднозначное, зачастую настороженное отношение коренного населения к христианскому влиянию оставались за рамками рассмотрения. Вторая установка, обличительная, была характерна для советской историографии и, наоборот, фиксировала диаметрально противоположный взгляд на место и роль церкви в истории государства и общества. Имея в основе своей марксистскую парадигму, эта установка определяла любое религиозное явление как специфический способ классового подчинения и эксплуатации, в ее рамках акцентировалось внимание на

принудительной христианизации и русификации, на роли священнослужителей в переводе кочевого населения на оседлый образ жизни и т.д. На сегодняшний день авторы стремятся избежать этих двух идеологических установок. Взвешенный подход считается признаком профессионализма и демонстрацией нацеленности на получение объективных результатов исследования.

Однако современность ставит новые задачи перед религиозно-научным сообществом. Помимо поиска взвешенного подхода немаловажной задачей сегодня является совершенствование теоретических подходов и методологии посредством интеграции результатов исследований. Она достигается через установление междисциплинарных связей, синхронизацию процессов мировой и российской истории, соотношение общих процессов и явлений повседневности (микроуровень), обобщение глобальных исторических тенденций (макроуровень). Именно в этом направлении двигаются исторические исследования религиозных процессов юга Западной Сибири, в рамках которых значительный потенциал получает изучение межконфессионального взаимодействия. Так, специфика этноконфессиональных процессов в данном регионе во второй трети XIX – начале XX в. объяснялась не только особенностями контакта православия и местных духовных систем, но и воздействием направлений других мировых религий и проявлением центральноазиатских этнополитических тенденций. Влияние последних в разные периоды было неодинаково интенсивным, хотя в той или иной степени присутствовало всегда и выступало одним из основных факторов.

Краткая историография проблемы

На современном этапе развития исторических исследований научное осмысление получили различные аспекты данной проблематики. Процесс становления целенаправленной регулярной миссионерской деятельности, развития институциональной организации и трансформации проповеднических приемов рассматривались в работах Н.Ю. Храповой [1], О.В. Маньковской [2], Л.А. Тресвятского [3], Л.Ф. Бондаренко [4]. Дискуссию об оптимальном наборе умений и качеств священнослужителя для результативного выполнения миссионерской работы, развернувшуюся на страницах духовной периодической печати, отразила Н.А. Землякова [5]. Практики проповеднической работы служителей Алтайской духовной миссии с коренным населением Южной Сибири получили освещение в публикациях В.Н. Асочаковой [6], Н.В. Расовой [7], И.Г. Черлоякова [8], В.В. Николаева [9]. В настоящее время активно ведутся исследования по межконфессиональной тематике: специфика взаимодействия Алтайской православной миссии со старообрядцами получила оценку в работах И.В. Куприяновой [10], исламский фактор религиозной ситуации рубежа XIX–XX вв. был охарактеризован Ю.А. Лысенко [11]. Вместе с тем в начале XXI в. исследователи приступили к осмыслению деятельности православных миссионеров на юге Западной Сибири с позиции выявления, сохранения и трансляции историко-культурного наследия [12; 13].

Однако, несмотря на разнообразие опубликованных работ и выбранных аспектов исследований, комплексной оценки специфики миссионерской деятельности православных адептов в контексте межконфессионального взаимодействия не получила.

Цель исследования – определить роль православного миссионерства в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири во второй трети XIX – начале XX в. через анализ исторических условий освоения данного региона, дать характеристику трансформации тактических приемов совершенствования проповеднической деятельности и противостояния конфессиональным конкурентам.

Методы исследования

Исследование проведено с опорой на проблемно-хронологический, историко-критический и структурно-функциональный методы. При помощи первого из них во временной ретроспективе было показано изменение роли православного миссионерства в процессе включения юга Западной Сибири в состав России и культурного освоения этих территорий, а также освещена эволюция тактических приемов проповеднической работы. Историко-критический метод позволил оценить миссионерскую работу с точки зрения ее результативности: соотношения желаемых, декларируемых и реально достигнутых результатов. При использовании структурно-функционального метода была охарактеризована роль православного миссионерства в системе межконфессиональных связей и противоречий.

Трансформация роли православного миссионерства в процессе культурного освоения юга Западной Сибири

В XVII в. присутствие православного духовенства на юге Западной Сибири было необходимо в Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 1 (26)

первую очередь для удовлетворения духовных нужд первопоселенцев славянского происхождения. Специфические обстоятельства жизни, межкультурное взаимодействие с инородцами, по мнению современников, способствовали снижению религиозности и упадку обрядовых практик. Коренное население обращалось в православие попутно, главным образом, для создания лояльного окружения для русских поселений. После раскола в Русской православной церкви обозначилась еще одна немаловажная задача – сбережение паствы от влияния старообрядцев, направившихся в малонаселенные районы государства. В XVIII в. миссионерская составляющая работы православного духовенства в Западной Сибири усилилась. За представителями коренного населения признавалось право исповедовать свои традиционные верования, однако стремление приобщиться к христианскому вероучению поощрялось. Вместе с тем переход из православия в религии национальных окраин считался крайне нежелательным явлением и должен был пресекаться. Региональная структура Русской православной церкви в Сибири получила значительное развитие, началось становление местного духовного образования [14, с. 103–105].

Принципиально иная ситуация сложилась во второй трети XIX в., когда миссионерская деятельность была институционально оформлена. Приобщение к христианской вере стало вестись целенаправленно, приобретая системный характер. В 1828 г. на юге Западной Сибири была учреждена, а с 1830 г. начала свою деятельность Алтайская духовная миссия, первым руководителем которой стал архимандрит Макарий Глухарев [15, л. 4 об.].

Изменение специфики работы православных миссий было связано с трансформацией имперской политики в отношении сибирских окраин России. Их включение в общеимперское пространство имело особенности, продиктованные обширностью территории, демографическими, этническими, а также внешнеполитическими обстоятельствами. В связи с этим в управлении Сибирью прослеживалось сочетание имперских признаков и регионализма: если в первой трети XIX в. превалировал учет региональных особенностей, то к концу столетия наблюдалась тенденция усиления универсалистских имперских принципов ввиду консервативного поворота государственного курса [16, с. 130–132, 149–150]. В реформенный период православное миссионерство играло центральную роль в реализации государственного курса в отношении национальных окраин в целом и на юге Западной Сибири в частности, результаты которого трактуются современными исследователями как одно из проявлений имперской политики аккультурации [17, с. 5–7]. В условиях «консервативного поворота» конца XIX в. структуры Русской православной церкви рассматривались в качестве одного из инструментов реализации курса на унификацию управления окраинами. На них возлагалось выполнение важных функций социально-экономического и духовно-идеологического характера.

Примечательно, что в европейской части России разветвленная структура православных приходов была фактически информационной сетью, распространявшей информацию о содержании документов, принятой светской властью. Деятельность священно-

служителей способствовала снижению социальной напряженности как за счет формирования политической лояльности населения власти (через проповеди о смиренности и покорности), так и посредством организации приходского просвещения, социального попечения, борьбы с эпидемиями болезней [18, с. 143–144]. Со второй трети XIX в. православные духовные миссии на юге Западной Сибири развивались в этом направлении, став организационным средством осуществления следующих задач в отношении коренного населения: последовательного внедрения основных элементов русской культуры и христианской веры среди инородцев.

Православными миссионерами использовались как традиционные, применявшиеся неоднократно ранее в другой этнической среде приемы, так и новационные способы приобщения к христианским постулатам коренного населения. Так, на территории Горной Шории наблюдалось наложение праздников христианских на традиционные. Например, весенний праздник «испрашивания» плодородия шачиг совмещался с православной Троицей [19, с. 420]. Подобная практика допускалась миссионерами как временная, поскольку предполагалось, что постепенная православная обрядность вытеснит шаманско-анимистическую, поверхностные формы восприятия уступят место более осмысленным. Однако в реальности это приводило к формированию разнообразных форм религиозного синкретизма: картина мира представителей коренного населения дополнялась новыми образами, интерпретируемыми в соответствии с традиционными установками мировоззрения. Другими традиционными приемами миссионерской работы было изучение автохтонных языков, обучение инородцев русскому языку, предоставление медицинской помощи и организация социального попечения представителей коренного населения.

К новационным приемам распространения верования можно отнести подготовку миссионеров из числа инородцев. Это явление следует считать удачным решением, поскольку такие служители миссии сами являлись носителями элементов традиционной культуры, но были убежденными приверженцами христианства.

Особое внимание при совершенствовании миссионерской работы во второй половине XIX в. стали уделять минимизации антихристианского воздействия социальной среды. Осознавая отрицательное влияние окружения, которое придерживалось шаманско-анимистического верования, в процессе укрепления неопитов в вере священнослужители стали создавать миссионерские селения. Новокрещенные имели преимущество в размещении в них, а не принявшие христианскую веру инородцы не должны были поблизости проводить свои моления [8, с. 63–64]. Миссионерские селения стали центрами приобщения к оседлому образу жизни, земледельческим хозяйственным практикам.

Взаимодействие

православного миссионерства

с другими религиозными системами:

особенности, противоречия, результаты

Однако изменения в государственной политике и организационное сплочение миссионеров были не единственными тенденциями XIX в. С усилением

административного и конфессионального давления российских властей на коренное население и ослаблением контроля Цинской империи над своими монгольскими окраинами более интенсивным стал поиск духовных альтернатив. Своеобразным ответом на этот запрос стала активизация адептов ислама и буддизма на рассматриваемой территории. Однако воздействие направлений этих двух религий имело различия.

Распространение ислама имело четкую этническую привязку. В середине XIX в. началась миграция казахов Прииртышья, Монголии и Китая в приграничные районы юга Алтая. С этого времени православное миссионерство стало ощущать растущую конкуренцию со стороны мусульманских проповедников. В 1881 г. из состава Алтайской духовной миссии была выделена противомусульманская Киргизская миссия [11, с. 159, 161], развернувшая деятельность в казахской степи.

Основное соперничество за умы верующих на Алтае развернулось между православием и северным буддизмом. Своеобразным пиком этой борьбы стало формирование синкретического вероучения бурханизма. Обстоятельства его формирования и проявления являются наиболее яркой иллюстрацией межконфессионального взаимодействия в регионе.

Основной проблемой для Алтайской духовной миссии и губернских властей на рубеже XIX–XX вв. стала деятельность бродячих буддийских лам. В этнокультурном плане население юга Западной Сибири было близко к монголам, которые еще с конца XVI в. исповедовали тибетский вариант буддизма. Наличие общих черт в духовном развитии объяснялось тем, что Горный Алтай ранее входил в состав Джунгарского ханства, правителям которого вплоть до середины XVIII в. удавалось успешно противостоять натиску маньчжурской династии Цин.

Бурханнизм аккумулировал постулаты как буддизма, так и христианства. Буддийские черты проявились, главным образом, в обрядности и восприятии фигуры бога Бурхана, а христианские – в тенденции к монотеизму и ярко выраженных мессианских чаяниях. Инородцы в результате отказались от почитания своих многочисленных божеств, подвергли сомнению эффективность и значимость для их жизни шаманских практик и стали ждать пришествия божественного посланника Ойрот-хана [20, л. 366–366 об., 369–369 об.]. Последний воспринимался бурханистами как предвестник бога Бурхана и вместе с тем как легендарный правитель, покинувший свой народ, но обещавший вернуться [21, с. 2]. В итоге многолетние усилия православных миссионеров не только способствовали распространению христианских постулатов, но и подготовили почву для динамичного изменения религиозной ситуации в направлении складывания форм религиозного синкретизма, постепенно формируя негативное отношение к шаманско-анимистическим практикам и укореняя в традиционном сознании мессианские идеи.

Особо пристальное внимание исследователей приковано к событиям 1904 г., когда при активном участии православного духовенства силами местных властей и русского крестьянства было разогнано бурханистское коллективное моление [20, л. 278–279]. По мнению Д.М. Уайта, активное противодей-

стве бурханизму следует рассматривать как отказ православных служителей от умеренной терпимости («волюнтаристской» концепции религии, где человек имеет неотъемлемое право выбирать веру) и переход к «стратегии принудительного миссионерства», «конфессиональной» концепции, в которой религиозная принадлежность зависит от требований государства [22, с. 21, 28]. На наш взгляд, реакция на публичное проявление бурханизма продемонстрировала изменение в тактике Алтайской духовной миссии. Если ранее в условиях почти полного отсутствия конкуренции миссионеры допускали сочетание христианских постулатов с анимистическими верованиями в качестве временного переходного явления, то при усилении соперничества со стороны буддийских адептов и их последователей проповедническая деятельность активизировалась. Бурханизм был воспринят как прозелитистское проявление северного буддизма. Активизация такого серьезного конкурента, как другая мировая религия, имевшая успешный опыт внедрения в традиционные культуры Центральной Азии и обладавшая институциональной опорой в монгольских окраинах Цинской империи, определила отказ Алтайской духовной миссии от преимущественно гибких приемов христианизации и переход к более жестким и интенсивным способам распространения. Среди последних источниками фиксировалось апеллирование руководства миссии к представителям государственной власти и акцентирование внимания на мнимой сепаратистской ориентации бурханизма для применения к конфессиональным соперникам административных мер [20, л. 5–6]. Так, после разгона бурханистского моления ряд его организаторов стали участниками судебного разбирательства в 1905–1906 гг. [23, л. 10–14]. Кроме того, православные служители не стремились проповедническими средствами усмирить славянских переселенцев, которые были крайне обеспокоены изменениями в поведении инородцев под влиянием бурханизма. Руководством миссии были также предприняты организационные меры: более интенсивно стали использоваться такие формы групповой работы, как проведение проповеднических съездов для обмена опытом [24, с. 72], снаряжение коллективных объездов труднодоступных районов с целью усиления воздействия на коренное население [25, с. 334–335].

Выводы

Роль православного миссионерства в межконфессиональном взаимодействии на территории юга Западной Сибири в рассматриваемый период претерпела изменения. Институциональное оформление православия в регионе в виде миссии в конце первой трети XIX в. обозначило стремление его адептов к положению доминирующего вероучения. Священнослужители накапливали опыт работы в специфических социокультурных, географических и природно-климатических условиях, совершенствуя приемы привлечения неофитов, рассчитывая постепенно вытеснить шаманско-анимистические воззрения инородцев. Однако на рубеже XIX–XX вв. православное миссионерство вынуждено было искать новые приемы повышения результативности своей работы в ситуации нарастающей конкуренции направления другой мировой религии – северного буддизма. Процесс христианизации не только повлиял на постепенное распространение русского языка, грамотности, пре-

доставление социальной и медицинской помощи, основание и развитие миссионерских поселков, но и способствовал актуализации в традиционном религиозном сознании коренного населения идей монотеизма и мессианизма, подготовив почву для формирования синкретического вероучения бурханизма.

Список литературы:

1. Храпова Н.Ю. Некоторые аспекты деятельности Алтайской духовной миссии в Горном Алтае (1828–1914 гг.) // Культурное наследие Сибири. 2015. № 17. С. 105–118.
2. Маньковская О.В. Деятельность Алтайской духовной миссии на территории Южной Сибири в XIX – начале XX вв. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2016. № 16. С. 73–75.
3. Тресвятский Л.А. Православие на Кузнецкой земле в дореволюционный период. Новокузнецк: ИПК, 2013. 267 с.
4. Бондаренко Л.Ф. О главных принципах православного миссионерства и их проявлении в деятельности Алтайской духовной миссии // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 67–70.
5. Землякова Н.А. Священник-миссионер в Сибири: идеал и реальность (по материалам религиозной периодической печати второй половины XIX – начала XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 98–101.
6. Асочакова В.Н. Хакасия в орбите миссионерской деятельности Алтайской духовной миссии // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12–2 (54). С. 98–100.
7. Расова Н.В. Инородцы в составе священнослужителей Алтайской духовной миссии // Макарьевские чтения: мат-лы XI междунар. науч.-практ. конф. 21–24 сентября 2016 г., г. Горно-Алтайск / отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2016. С. 109–114.
8. Черляков И.Г. Влияние миссионеров и русских крестьян на хозяйственно-бытовую жизнь абригенов Северного Алтая // Мир Евразии. 2017. № 4 (39). С. 63–70.
9. Николаев В.В. Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2009. № 3. С. 210–220.
10. Куприянова И.В. Алтайская духовная миссия и старообрядцы. Опыт религиозно-культурного противостояния // Макарьевские чтения: мат-лы XI междунар. науч.-практ. конф. 18–20 сентября 2017 г., г. Горно-Алтайск / отв. ред. А.П. Адлыкова. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2017. С. 167–172.
11. Лысенко Ю.А. Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2006. № 22. С. 159–162.
12. Полякова Е.А. Практический опыт документирования и использования памятников истории и культуры православия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2015. № XXI. С. 49–53.
13. Коваленко П.С. Музеефикация православной истории Бийска посредством создания музея истории Алтайской духовной миссии // Вестник Алтайской го-

сударственной педагогической академии. 2014. № 18. С. 63–67.

14. Софронов В.Ю. К вопросу о периодизации истории Русской православной церкви в Сибири // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: мат-лы всерос. науч. конф. Курган: Изд-во КГУ, 2012. С. 103–105.

15. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5.

16. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 2018. 416 с.

17. Любичанковский С.В., Камзина А.Д. Миссионерская деятельность Русской православной церкви как механизм имперской политики аккультурации. Оренбург: ОГАУ, 2017. 220 с.

18. Шевкун П.В. Православная церковь в коммуникативных процессах конца XVIII – первой поло-

вины XIX в. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 141–150.

19. Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.

20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.

21. Потанин Г.Н. Среднеазиатский мессианизм // Сибирская жизнь. 1904. 18 июля. С. 2–4.

22. White J.M. Burkhanism, Toleration and the Russian Orthodox Church in the Altai (1904–1914) // Религиоведение. 2014. № 7. С. 21–30.

23. ГАТО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 15.

24. Соколов К., Постников В. Известия с Алтая // Православный благовестник. 1907. № 2. С. 72–83.

25. Иннокентий, епископ. Алтайская миссия за 1908 г. // Православный благовестник. 1909. № 8. С. 327–336.

ORTHODOX MISSIONARY IN INTERFAITH INTERACTION IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND THIRD OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

© 2019

Nasonov Alexandr Alexandrovich, candidate of historical sciences, associate professor of Museology Department
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russian Federation)

Abstract. The paper considers the problems of the Christian doctrine spread in the context of incorporation into Russia and the cultural development of the Siberian territory. The object of the research is the Orthodox missionary; the subject is the specifics of the missionary activity of Orthodox adepts in interfaith relations and contradictions. The author sets a goal to determine the role of Orthodox missionary in interfaith interaction in the south of Western Siberia in the second third of XIX – beginning of XX century. The paper focuses on the traditional and innovative tactical methods of improving preaching, which was transformed under the influence of changes in the state course with regard to national outskirts, and the intensification of confessional rivals. In the paper on the example of changes in the religious situation at the beginning of the XX century the author characterizes reaction of the Altai spiritual missionaries to the public manifestation of the Burkhanist movement, which was a regional syncretic variation of Northern Buddhism. The author concludes that as a result of its purposeful activity, Orthodox missionary actualized the ideas of monotheism and messianism in the traditional religious consciousness of the indigenous people, but they were more successfully interpreted by Buddhist adepts in the dogma of Burkhanism. This fact contributed to the transition of missionary work from predominantly flexible methods of Christianization and to more hard and intensive methods of dogma spreading.

Keywords: interfaith interaction; Orthodox Christianity; missionary; acculturation; Christianization; messianism; proselytism; stereotype; religious syncretism; animism; shamanism; Burkhanism; Buddhism; Islam; national outskirt; Siberian indigenous people; Altai spiritual mission; south of Western Siberia.

УДК 93 / 94

DOI 10.24411/2309-4370-2019-11208

Статья поступила в редакцию 29.11.2018

БРАТАНИЕ В 8-Й АРМИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В МАРТЕ – АВГУСТЕ 1917 ГОДА

© 2019

Курицын Сергей Владимирович, аспирант Центра военной истории России
Институт российской истории РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В настоящей статье сделана попытка исследовать специфику братания в одной из самых боеспособных армий Восточноевропейского ТВД периода Первой мировой войны – 8-й армии Юго-Западного фронта. Избрание указанных хронологических рамок – весна–лето 1917 г. – было обусловлено тем, что именно в этот период братание и близкие к нему формы контактов военнослужащих противоборствующих армий получили небывало широкое распространение на Русском фронте в целом и в 8-й армии в частности. Это было связано с тем, что после падения монархии в России солдатские массы желали прекращения войны. Также всплеск братания на фронте стал возможен вследствие ослабления власти командного состава в условиях революции. В статье приведены факты заинтересованности австро-германской стороны в развитии братания, а также описаны меры, принимаемые командованием российской армии и солдатскими комитетами с целью прекращения братания. Следует отметить, что для большинства русских солдат участие в братании представляло интерес во многом потому, что позволяло осуществлять меновую торговлю с военнослужащими войск Четверного союза, которые в ходе братания имели возможность получить хлеб взамен на какие-либо вещи или алкоголь.